

С ЧЕГО начать разговор с режиссером, поставившим фильм, успех которого был столь же шумным, сколь и своеобразным? Речь идет о фильме «Полеты во сне и наяву», как вы, верно, уже догадались. Одни считали его просто гениальным, другие — странным и непонятным, третьи вообще отказывали ему в праве на существование. Не было только равнодушных. И лишь в одном сходились большинство зрителей и критиков — в неприятии главного героя.

И в самом деле, что он за человек, этот Макаров? В какие рамки его втиснуть? В положительные герои явно не укладывается, и не совсем чтоб уж очень отрицательный... А ведь неплох (Олег Янковский на экране), умен, не стар, обеспечен, любим женой и многими другими весьма привлекательными особами. А ему все неймется, все ему скучно и грустно, и некому руку подать, как выясняется к сорока годам. И все дни его — словно длинный, тягучий, липкий сон. Наступит ли пробуждение?

необычное, неожиданное, нелогичное, все, что в один миг может перевернуть нашу жизнь, происходит только в кино, в романах или еще где-то. Когда же это неожиданное обрушивается на нас (а когда-нибудь это непременно

Встречи и знакомства

Кинорежиссер Роман БАЛАЯН:

«ОТ ЖАЖДЫ УМИРАЮ НАД РУЧЬЕМ...»

Что думает обо всем этом его создатель, режиссер Балаян?

— Он слишком тонок и раним, он тонко чувствует окружающую жизнь и не находит себя в ней. Фильм ведь был сделан до того, как у нас начались революционные преобразования. Во всем, что окружало моего героя, не было души. А без души нельзя, смысла нет. Жить же просто так, как живет: получать зарплату, приходить домой, смотреть телевизор, — тот же сон. Вот форма его протеста и вылилась в такое существование.

— Многие сравнивают его с героем Вампилова из «Утиной охоты»...

— Макаров добрее вампировского героя, он живет честнее других, поэтому осуждает норму своего поведения, хочет проснуться. Не приняв же его многие потому, мне кажется, что были усыплены духовно. Это сейчас мы все видим и понимаем, как есть, потому что нас хорошенько встряхнули, нам открыли глаза.

Знаете, грузины говорят: «Дерево стоит в воде, но умирает от жажды».

— В XV веке французский поэт Франсуа Вийон написал почти такие же строки: «От жажды умираю над ручьем...».

— Прекрасно сказано. Это о тех, кто томим духовной жаждой. Как Макаров, у которого все есть, казалось бы, а он жаждет. Знаете, я мало верю в духовность того, чьи помыслы направлены исключительно на добывание хлеба насущного. Такая духовность часто бывает вынужденной. Человек наполнен желчью, недоволен всем на свете и страстно желает справедливости... для себя. На этом зиждется вся его «духовность». Дайте ему то, чего он хочет, — и от нее не останется даже воспоминания.

Но если от жажды над ручьем умирает тот, кто жаждет гармонии, правды и справедливости для всех, — это истинно духовный человек.

— Роман Гургенович, а что вы думаете о своем последнем фильме «Храни меня, мой талисман»?

— Сначала скажите, что думаете вы как зритель.

— Что думаю? В обыденной жизни нам кажется, что все

случается), мы понимаем, что это — жизнь, к которой мы совершенно не были готовы, так же, как и ваш Алексей в «Талисмане», которого мне искренне жаль. Не знаю, верно ли я понимаю.

— А что, вполне приемлемое толкование. Можно сказать, что фильм — как бы стрессовая подготовка к подобным ситуациям. Герой, которого играет Абдулов, может постучаться в любую дверь. Это — собирательный образ, своего рода Люцифер. Он как бы проверяет, тот ли человек Алексей, за которого себя выдает. Он то, чего герой о себе не знает. А разве мы все о себе знаем? Разве не бывает так, что собираешься совершить поступок, причем совсем не героический, скажем, не подать руки подлецу, но так и не отважившись на сей «подвиг»? И не из страха или деликатности, нет, просто из-за неспособности совершить поступок.

Вот я и хотел показать в фильме, что духовная импотенция, заземленность существования, жизнь как цитата — не может продолжаться долго, она не удовлетворяет. И дуэль в данном случае я понимаю не как готовность убить, а как готовность умереть, пролить свою кровь ради идеи, защищая честь и достоинство.

— Роман Гургенович, в интервью «Литературной газете» вы сказали, что считаете себя адвокатом, а не прокурором. Означает ли это, что вы всегда готовы защищать, оправдать?

— Прокурор ищет факты для обвинения. Адвокат — для оправдания или смягчения вины. Значит, он должен знать о своем подзащитном все. Искать истоки, причины, которые привели к беде, докапываться до самых глубин. А чтобы узнать все, надо искать не только там, где человек плох, а и там, где он хорош. Потому что не может в оступившемся и даже преступившем закон человеке не быть хоть сколько-нибудь добра.

Истинно художественное произведение непременно должно проповедовать милосердие и сострадание к ближнему, исключая, разумеется, патологии общественного порядка: фашизм, терроризм и так далее. Милосердие я понимаю не только в том смысле, что челове-

ка над пожелать. Еще важнее — не унизить его достоинства, не задеть его чести, особенно на людях. В наших социально-общественных отношениях часто отсутствует человеческая дипломатия. Не все надо говорить и не всякую правду «резать в глаза». Если вы скажете мало-способному человеку, что он бездарен, то таланта это ему не прибавит, но к инфаркту приблизит... Другое дело, если человек сознательно совершил подлость. Хотя и тут надо прежде хорошенько разобраться. Мне всегда интересно докопаться до причин: как, почему такое могло случиться.

Вообще я считаю, что настоящий художник всегда должен находиться в художественной оппозиции к любой устоявшейся догме. Скучно писать роман о передовом предприятии, где все прекрасно и никаких конфликтов, как и об образцово-показательной семье. Не зря Лев Николаевич Толстой сказал, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Когда бытовала печальной памяти «теория» бесконфликтности, такие романы и фильмы появлялись и прессы их расхваливали на все лады (попробовала бы критиковать — а ведь, верно, руки чесались!). Но я очень и очень сомневаюсь, что эти, с позволения сказать, произведения наши благодарных читателей и зрителей.

В художественном произведении непременно должен быть конфликт, поиск нравственного критерия, он должен брать человека за сердце, заставить посмотреть на себя и на окружающее по-другому.

Отрадно, что сейчас выходят фильмы и книги, которые много лет ждали своего часа. Это говорит о том, что художники не молчали, только их не печатали. Теперь не то. Перестройка дает предпосылки для духовного обновления. И это все понимают. Не зря люди так жадно набрасываются на газеты и с такой искренней заинтересованностью смотрят телепередачи на темы перестройки.

— Роман Гургенович, я хочу задать вам вопрос, ответ на который знаю заранее. Ваш любимый артист?

— Правильно, Олег Янковский. Он мне нравился давно, еще в бароне Мюнхгаузене и «Обыкновенном чуде». Но только после телефильма «Мы, нижеподписавшиеся» по пьесе Гельмана я понял, что это именно «мой» герой. Я увидел, что это очень нервный, ранимый артист, хоть и играл на нагелца. И пригласил его в «Полеты во сне и наяву» на роль Макарова. Думаю, что не ошибся.

Янковский, как никто другой, и своим лицом, и манерами, и поведением на экране выражает современную интеллигенцию, умение абстрагироваться, внутреннее сопротивление окружающей среде.

Очень люблю Иннокентия Смоктуновского, мечтаю когда-нибудь снять этого превосходного артиста. В новом фильме «Очи черные» он на экране всего две минуты, но их не забудешь. Особенно глаза артиста. Они всегда как бы устремлены внутрь, словно он ведет вечный монолог с собой. Прекрасные актрисы Инна Чурикова, Марина Неелова.

— А кто ваши любимые писатели?

— Чехов, Фолкнер, Грант Метевосян.

— Вы не собираетесь снимать фильм по какому-нибудь литературному произведению?

— Собираюсь. На «Мосфильме» буду снимать «Леди Макбет Мценского уезда» по Лескову с Натальей Андрейченко в главной роли.

— Вас привлекает сильный характер?

— Напротив, мне всегда были интересны люди сомневающиеся, слабые. Таких большинство, а сильные, «супермены» — редкость. Но когда приходит время — «слабые» берут на себя самую тяжелую ношу, жертвуя всем во имя других. Потому что человеком движет в жизни нечто более важное, чем сила или слабость — его духовное начало.

Беседу вел
В. КОРСУНСКАЯ.
Фото З. ТЕРЕШКОВОЙ.